

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ.
«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ТРУД
ПО ЭТНОЛОГИИ МЕЛАНЕЗИЙЦЕВ»**

Приходится еще раз высказаться о пресловутом «приземленном эмпиризме» Миклухо-Маклая. Действительно, он не старался изъясняться наукообразно, не стремился увековечить свое имя с помощью издания искусственно созданных фолиантов или претенциозных формулировок, но в его работах можно найти множество ясно выраженных идей (теоретических объектов), которые впоследствии «запатентовали» на свое имя другие выдающиеся ученые-этнографы.

Миклухо-Маклай на практике ввел понятие этнографического источника, рассматривая полевую этнографию как специализацию внутри профессии «этнография» в целом, как особый род деятельности, связанной с созданием эмпирического базиса данной науки. Во времена Миклухо-Маклая (в обстоятельствах, предлагаемых ему эпохой) не существовало как таковой традиции монографического описания отдельных культур. Отдельные культуры конструировались из разрозненных сведений в виде глав или разделов многотомных изданий с целью выработки глобальных схем строения человечества в целом. Этнология начиналась с так называемого кросс-культурного анализа. Следовательно, в момент «объявления о возникновении» это научное направление в основных аспектах было уже сущей архаикой, реликтом допарадигмального состояния этнологии в плане традиции изучения «истории народов».

Сохраняя в общих чертах существующую форму этнологии, Миклухо-Маклай наполняет ее новым содержанием, противопоставляя этнологию этнографии как «историю народов» и как науке (искусству) описания отдельных народов. Тем самым он неявным образом исходил из тезиса о необходимости различать два уровня — эмпирический (полевые исследования) и теоретический, предполагающий использование сравнительного метода для выводов о соот-

ношении отдельных культур («народов», «наций») во времени. В известном смысле, суммировав «антропологию» Вайца (создание сводов данных) и «этнологию» Причарда (историю рас), Миклухо-Маклай умножил результат сложения на собственный опыт полевых исследований, определив двойную структуру, в одних странах называемую этнографией, в других — этнологией в зависимости от того, на чем делается акцент в отношении «поле — кабинет» («курица или яйцо?»). Даже интуитивно выбранная модель исследования неизбежно становится моделью предмета исследования.

В этом, как и во многих других случаях, Миклухо-Маклай строил свои полевые исследования так, как будто был знаком с работами Малиновского или присутствовал на его лекциях. Полвека спустя, ссылаясь на сложившуюся в науке практику словоупотребления, Малиновский использовал термин «этнография» для обозначения эмпирических (описательных) исследований в области «науки о человеке», а термин «этнология» относил к компаративным («спекулятивным») теориям [Malinowski 1922: 9]. По его выражению, этнология вводит закон и порядок в то, что кажется хаотическим и бессмысленным, трансформируя чувственный мир случайного и представляя его в виде множества организованных сообществ, *поведение* членов которых подчиняется определенным принципам [Ibid.].

В системе высказываний Миклухо-Маклая термины «этнография» и «этнология» сосуществуют таким образом, что не всегда возможно описать значения, в которых они употребляются как совершенно различные. Однако общей тенденцией, проявляющейся в том числе и в названиях работ, можно считать, что слово «этнология» у него ассоциировалось с идеей сравнения, или анализа, отдельных культур — либо синхронического, либо диахронического. В заметке «Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая в Новой Гвинее» (1874) Миклухо-Маклай рассматривает те явления, которые, по его мнению, указывают на наличие или отсутствие связей культуры папуасов Берега Маклая с культурами жителей Полинезии и Микронезии: употребление кавы, операция обрезания, обычай табу, обмен именами, правила этикета («выражения почтения при приеме важного гостя»), культ священных камней [Миклухо-Маклай III: 107–109]. В заключение он отмечает: «Я бы мог привести еще несколько обычаев, общих полинезийцам, микронезийцам и меланезийцам Новой Гвинее, но отлагаю это за недостатком времени до подробного описания жи-

телей Берега Маклая и их обычаев» [Там же: 109]. Таким образом, взаимоотношения между «этнологией» и «этнографией» выстраиваются по схеме «общее — частное».

Свои коллекции по традиционной культуре населения исследуемых им регионов Миклухо-Маклай предпочитал называть этнологическими [Миклухо-Маклай V: 446–447, 472, 551]. Видимо, этим он стремился подчеркнуть их научный характер в связи с противопоставлением целей систематического собирания примитивному коллекторству. Как он подчеркивал, «следует главным образом обращать внимание не на собирание коллекций, а на *собирание наблюдений*» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.), с тем чтобы собрать «достаточно верные сведения о назначении, употреблении и смысле собранных предметов» [Там же: 552].

В 1886 г. на одном из своих публичных выступлений при характеристике своей главной задачи Миклухо-Маклай привел мнение Рудольфа Вирхова по поводу *сохранения* «примитивных народностей» при помощи научной литературы о культуре [Там же: 556–557]. Приводя эту фразу Вирхова, Миклухо-Маклай имел в виду его работу, вышедшую в свет в 1875 г. [Virchow 1875: 584]. Безусловно, данная статья Вирхова оказала на Миклухо-Маклая такое же влияние, как несколькими годами ранее книга Причарда, как бы завершая его образование. Если перелом в сознании Миклухо-Маклая, о котором пишет Д.Д. Тумаркин, действительно имел место, то это должно было произойти после знакомства со статьей Вирхова. Задавая вопросы относительно “Culturgeschichte”¹⁹, Вирхов подчеркивал: теоретически возможно как одно, так и другое [Ibid.: 572]. «Одно» — это теория развития человеческой культуры Тэйлора («эволюционизм»), «другое» — будущая теория заимствований явлений культуры («диффузионизм»).

Однако из этого не следует, что Миклухо-Маклай лишь слепо следовал заученным схемам. Система терминов и понятий Миклухо-Маклая близка к современной, тогда как система Вирхова безнадежно устарела с точки зрения деления предмета исследования и соответствующих дисциплин. Во-первых, Миклухо-Маклай учился не только у Вирхова, но и у многих других выдающихся современников (см. ниже о сходстве некоторых высказываний Миклухо-Маклая с высказываниями Эдуарда Тэйлора). В чем-то они были

¹⁹ См. раздел 2 настоящей книги.

для него учителями, а в чем-то — просто коллегами. Во-вторых, те или иные идеи он мог сформулировать совершенно самостоятельно, анализируя труды предшественников или пользуясь собственным опытом работы среди исследуемого населения. Например, идея сохранения традиционной культуры в этнографических источниках как своего рода «капсулах времени» в общих чертах была сформулирована Миклухо-Маклаем несколькими годами раньше, еще по пути в Новую Гвинею²⁰, на основе чтения существовавших тогда описаний путешествий. Главный упрек Миклухо-Маклая в адрес авторов подобных работ касается недостоверности данных, неполноты и нецелостности.

Задавая систему правил создания этнографического источника над множеством этнографических явлений, Миклухо-Маклай одновременно определяет его основное свойство — *сохранять* традиционную культуру в виде ее подробного описания таким образом, что вербальные средства дополняются средствами изобразительными. Тем самым формулируется положение, согласно которому исчезновение первобытных народов не является «равномошным» по отношению к исчезновению первобытной культуры как предмета исследования этнографии. Именно отсюда Миклухо-Маклай выводит смысл сбора этнографических коллекций — систематическое описание всего того, что характеризует условия традиционной жизни данной группы населения до вмешательства так называемых «цивилизованных» народов [Миклухо-Маклай V: 553].

Затрагивает Миклухо-Маклай и вопрос этики полевого этнографического исследования, столь модный в наше время. Формула Миклухо-Маклая такова: «вежливость этнографа» — это знание языка, достаточное время и доверие информантов, завоеванное «деликатностью» исследователя, т.е. «ненавязывание постоянного присутствия». Результатом такого поведения является *преодоление нежелания видеть исследователя среди себя и поддерживать с ним отношения* [Миклухо-Маклай II: 405, 406, 411; V: 552].

Из опубликованных работ Миклухо-Маклая самая крупная в области изучения традиционной культуры — «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее», в которой явления культуры описываются в соответствии со стандартами целост-

²⁰ См. выше (с. 25–26) вступление к работе «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований», написанную в марте 1871 г. на борту «Витязя».

ности описания, принятыми в настоящее время: материальная — социальная — духовная культура. Формально эта работа осталась незаконченной. Должно было последовать продолжение. Мы не можем сказать точно, о чем собирался писать Миклухо-Маклай в следующей части, но в конце опубликованного текста он упоминает, что в течение «трех дней и трех ночей» следил за проведением местного праздника Ай; он говорит, что только недостаток места не позволил ему дать «описание всего увиденного» [Миклухо-Маклай III: 85]. Продолжение все-таки последовало в виде 5-й лекции, прочитанной 1 декабря 1886 г. Конспект этой лекции вместе с газетными отчетами содержит подробное описание местного праздника Ай [Там же: 317–325].

Именно благодаря публикации «Этнологических заметок» мы знаем, что Миклухо-Маклаю принадлежит открытие этнической непрерывности, которое по своему теоретическому значению для этнографии сопоставимо с открытием классификационных систем родства Морганом. «Почти в каждой деревне Берега Маклая, — писал Миклухо-Маклай, — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных диалектах, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовались два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы. Только пожилые люди говорят на двух или трех диалектах; чтобы научиться им, папуасы в юношеском возрасте проводят некоторое время в чужих деревнях» [Там же: 64]. В этом же свете Миклухо-Маклай смотрел на различия в материальной и других сферах культуры между отдельными деревнями. Во время чтений 1882 г. он сказал следующее: «...я мог очень удобно познакомиться с образом жизни и нравами береговых папуасов, которые в этнологическом отношении очень различаются между собою: каждая деревня имеет свои характерные особенности. Некоторые виды пройденных деревень выставлены также здесь (показывает на развешанные на стене рисунки)» [Миклухо-Маклай II: 411]. Таким образом, создавая рисунки с изображением деревень, Миклухо-Маклай стремился проиллюстрировать свое наблюдение и тем самым сформулировать графическими средствами понятие этнической непрерывности. Его метод

описания этнографических явлений контрастирует с современными ему методами, которые основывались на использовании модели племени либо по Макленнану («экзогамные — эндогамные племена»), либо по Моргану («племя — клан»). Возможно, Миклухо-Маклаю было легче, чем другим, не видеть то, чего не существовало на самом деле, поскольку для него племя было антропологической единицей, лингвистическим подразделением расы.

В начале 1950-х годов экспериментальные данные Миклухо-Маклая были концептуализированы под именем «первобытной лингвистической непрерывности» [Толстов 1950: 18; Бутинов 1951: 181]. Надо также заметить, что явление лингвистической непрерывности было повторно открыто, или замечено, на австралийском материале Т. Штреловым в 1922 г. во время путешествия по Центральной Австралии (опубликовано в 1947 г.) [Strehlow 1947: 70]. Однако форму концепции наблюдения Штрелова так и не приобрели, оставаясь неподдающимся объяснению элементом общих представлений об австралийском «племени».

Пожалуй, не вполне точно определено и то место, которое Миклухо-Маклай должен занимать в истории изучения так называемой письменности о. Пасхи. Источником может служить его небольшая статья “Ueber die ‘Rohau rogo rogo’ oder die Holztafeln von Rapa-Nui”, которая была опубликована в 1872 г. в журнале “Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin” [Macclay 1872: 79–81]. Обычно эта работа рассматривается как простая корреспонденция. Однако по своему действительному значению она есть нечто большее, чем простое наблюдение, в отличие от более пространный сообщения в «Известиях РГО», где выводы Миклухо-Маклая теряются в массе других сведений скорее географического характера [Миклухо-Маклай 1872: 42–55]. Выделив данный текст из записей, предназначенных для публикации в «Известиях РГО», снабдив его преамбулой и собственным названием, Миклухо-Маклай превратил его в небольшое научное исследование по кохау ронго ронго. Видимо, он понимал, что в России его публикация будет представлять рядовое географическое «известие» и не будет иметь никакого продолжения, тогда как в Европе она обязательно станет объектом обсуждения, что и произошло на самом деле. В заметках Адольфа Бастиана мнение «доктора фон Маклая», касающееся вопросов изучения «деревянных табличек с Рапа-Нуи», было воспринято с большим вниманием [Bastian 1872: 84–85, 88].

Миклухо-Маклай знал, на что необходимо обращать внимание в первую очередь. Во-первых, он сделал два наблюдения относительно повторяемости знаков. Сначала он замечает наличие одинаковых по начертанию знаков, одни из которых повторяются без изменений, другие подвергаются модификациям, касающимся расположения тех или иных частей «фигур», а затем обнаруживает тот факт, что «знаки объединены в группы, чаще из двух, реже из трех и более знаков» (“Es finden sich auch die Figuren gruppenweise verbunden, meistens zu zwei, seltener zu drei und mehr Figuren”) [Macley 1872: 81]. Это именно те открытия (особенно параллельные ряды или группы знаков), которые рассматриваются в качестве крупного шага к расшифровке письменности острова Пасхи в связи с именем Б.Г. Кудрявцева [Бутинов, Розина 1958: 307; Ольдерогге 1949: 222]. Это соответствие, вероятно, трудно заметить, поскольку в русскоязычных вариантах данного текста Миклухо-Маклая, а также в английском переводе понятие группы исчезает [Tumarkin, Fedorova 1990: 111].

Во-вторых, Миклухо-Маклай верно определил природу данной знаковой системы как идеографического письма (“Ideenschrift”, или, в русском написании, «идейного шрифта») [Macley 1872: 81]. В статье Майнике, вышедшей годом раньше²¹, высказывалась другая мысль — о том, что знаки на деревянных дощечках с острова Пасхи представляют собой иероглифические тексты, содержащие сведения генеалогического характера [Meinicke 1871: 550, 551]. Таким образом, Миклухо-Маклай был не просто одним из первых свидетелей открытия письмен острова Пасхи, но высказал ряд компетентных идей. Не говоря уже о том, что местное название «кохау ронго ронго» (до того момента — «памятники письменности с острова Пасхи» или «деревянные таблички с Рапа-Нуи») впервые достигло Европы именно вместе с его публикациями на немецком и русском языках.

Изучая высказывания Миклухо-Маклая, относящиеся к системе выводного знания в сфере этнографии, невольно приходишь к мысли, что «образцом» являются не столько сами этнографические тексты Миклухо-Маклая, сколько его подход к их составле-

²¹ Самая первая статья, точнее, короткое сообщение о существовании на о-ве Пасхи деревянных табличек с выгравированными письменными знаками было сделано Р. Филиппи [Philippi 1870: 469–470].

нию, гармонично соединяющий «научность» и «этнографичность». Миклухо-Маклай был свободен от штампов и умел мыслить абстрактно. В свое время он был, по существу, единственным профессиональным этнографом. Для него этнография как наука определялась не *особым интересом*, т.е. субъективно, а *особым предметом* исследования, т.е. объективно.

На лекции 1886 г. в Петербурге Миклухо-Маклай предупредил слушателей, что для него не составило бы особого труда по собранным материалам написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях меланезийцев, но для этого ему наряду с результатами наблюдений пришлось бы использовать «догадки, вероятности и разного рода комбинации предположений» для пополнения «невиденного и ненаблюденного». С его точки зрения, при таком подходе можно легко представить «довольно интересную ткань, где трудно было бы отличить правду от выдумки». По Миклухо-Маклаю, «каждое предположение и внесенные теории дают настоящему наблюдению субъективную окраску, уменьшают даже значение наблюдения, ступеньками недостающие места, именно то, что должно послужить исходом для новых наблюдений». В связи с этим он указывает, что относительно мирозерцания и религиозных идей папуасов — при недостаточно продолжительном пребывании среди населения Берега Маклая и в силу «недостающего знания языка» — он может дать «далеко не целое, а единственно ряд наблюдений» [Миклухо-Маклай III: 325]. Этот пассаж фактически повторяет «Пояснительное примечание» в «Этнологических заметках», написанных в поле еще в 1872 г., и содержит важнейшее теоретическое положение. И это положение биографы Миклухо-Маклая обычно приводят в качестве доказательства его приверженности эмпиризму. Впоследствии данное положение было вторично сформулировано Брониславом Малиновским в его первой большой работе, написанной по литературным источникам. Анализируя труды профессиональных этнографов (как когда-то анализировал труды путешественников Миклухо-Маклай), Малиновский пришел к следующему выводу. Замечания общего характера, которыми изобилуют отчеты наблюдателей и которые легко принять за констатацию факта, часто оказываются лишь предположениями, построенными на системе заранее принятых посылок [Malinowski 1913: 19, 25]. Теперь рассмотрим более подробно то, о чем говорил Миклухо-Маклай.

Первое. Пробелы должны заполняться не собственными логическими выводами исследователя, а «новыми наблюдениями». С.А. Токарев писал, что «главное требование метода Малиновского — рассматривать быт и культуру любого данного народа как единое целое, как систему взаимосвязанных частей, где каждая часть выполняет свою определенную роль, свою «функцию» [Токарев 1978: 230]. Миклухо-Маклай сформулировал и применял этот метод на практике еще в начале 1870-х годов.

По Миклухо-Маклаю, при сборе сведений по тому или иному явлению культуры, допустим, религиозным представлениям, необходимо удостовериться, что полученное сообщение происходит не извне (в виде умозаключения), а изнутри описываемой культуры. Следовательно, ценность своих материалов Миклухо-Маклай обосновывает не только тем, что передает увиденное или услышанное, но и тем, что в описание он вносит указание, где проходит граница между выделенными им фактами и «оставшейся» реальностью («недостающими местами»).

Миклухо-Маклай учил своих слушателей (как профессор учит студентов), что при сборе сведений о тех или иных явлениях от самих носителей культуры их следует проверять на наличие связей с другими явлениями. На лекциях 1886 г. Миклухо-Маклай показал, какие две основные ошибки совершают европейские наблюдатели. Во-первых, информант часто стремится угодить спрашивающему («...при этом случае и только на этот раз выдумывает ответ, что дает возможность путешественнику подкреплять слышанное словами, полными значения: “Слышал от самих туземцев”, между тем как туземец, наврав разную чепуху, позабыл о ней через несколько минут»); во-вторых, информант может передавать сведения, полученные от представителей чужой культуры, как сведения, касающиеся своей культуры. Однажды Миклухо-Маклай столкнулся со случаем, когда один из папуасов в рассказе о духах умерших использовал сведения, услышанные от его слуги и относящиеся к традиционной культуре населения о-вов Палау, откуда этот слуга был родом [Миклухо-Маклай III: 328].

Второе. Миклухо-Маклай говорил, что его пребывание на Бегу Маклая было недостаточным, чтобы составить «несомненно правильное представление о таких предметах, как религия и мирозерцание папуасов», что поэтому — во избежание «догадок» и «предположений» — он ограничивается «разрозненными заметка-

ми», «рядом наблюдений» и т.п. [Там же: 62, 325]. Однако в этом пассаже он фактически выразил идею, приписываемую Фрэзеру как родоначальнику «обрядовой теории мифа», декларирующей приоритет ритуала над мифом. Основой концепции Фрэзера является несколько иной тезис: объяснение смысла того или иного культа часто носит субъективный характер, но выявление сходства ритуалов — вопрос фиксации реальных фактов наблюдения (выражаясь научнообразно, в виде так называемых «протокольных предложений». — П.Б.) [Фрэзер 1983: 361]. В связи с этим можно вспомнить, что иногда Миклухо-Маклаю приписывается недооценка духовной культуры в качестве предмета исследования. В действительности надо говорить о другом. По-видимому, он по умолчанию рассматривал подобные исследования в качестве особой специализации, требующей филологической подготовки. Если это верно, то и здесь работы Миклухо-Маклая звучат вполне современно, по крайней мере, с точки зрения известной конъюнкции «фольклор и этнография», оставляющей этнографии только материальную и социальную культуру.

Для Фрэзера «приоритет» ритуала над мифом был скорее вопросом методики сбора информации о мифе, выступающем в роли содержания обряда — «записи», точнее, «рисунка» мифа. На практике этот подход впервые продемонстрировал Миклухо-Маклай, в чем-то, возможно, предвосхищая одно из положений В.Я. Проппа: если значение того или иного элемента кажется непонятным в рамках данного нарратива, оно проявится в другом нарративе. В своих лекциях Миклухо-Маклай не только описывает празднества папуасов, но и анализирует это явление. «Чтобы понять лучше значение “Ай” и всех *разновидностей* подобных учреждений в Меланезии, — пишет Миклухо-Маклай, — расскажу о Дук-Дук на Новой Британии и Новой Ирландии» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 320]. Между прочим, здесь он, пожалуй, впервые в этнографии, вводит понятие института («учреждения») при анализе явлений традиционной культуры. (Видимо, не стоит удивляться подобным аллюзиям, они представляют, образно говоря, то «бессознательное», что лежало в основе научного поведения Миклухо-Маклая, время от времени прорываясь на поверхность в виде отдельных предложений теоретического характера.)

В заключение обзора празднества Ай Миклухо-Маклай говорит, что, хотя Ай на Берегу Маклая не совершенно походит на Дук-

Дук, это «собственно одно и то же, хотя и в измененной форме» [Миклухо-Маклай III: 320]. Таким образом, «по касательной» проходит не только идея обряда как «текста» мифа, но и идея инварианта, подразумевающая так называемый синхронический подход к описанию явлений культуры (ср.: роль разделения «общий тип — географическая разновидность» в антропологических исследованиях Миклухо-Маклая). Последнее дает повод сказать несколько слов об отношении Миклухо-Маклая к идее эволюции в этнографии.

Принимая идею эволюции человеческой культуры от первобытности к цивилизации, как можно видеть из метода сравнения таких «учреждений» — Ай и Дук-Дук (в современной терминологии — *стадии* «мужского дома» и «тайного союза»), Миклухо-Маклай интуитивно, если угодно, даже инстинктивно, придерживался точки зрения, практически исключая упрощенный эволюционистский подход, т.е. такой подход, когда в любых микроизменениях культуры исследователям начинают мерещиться целые «ступени развития» (модель «эволюции палки»).

Самое раннее высказывание, характеризующее Миклухо-Маклая как сторонника эволюционистских воззрений, мы находим в записке «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований», по замечанию Д.Д. Тумаркина, начатой в марте 1871 г. на борту «Витязя» (см. выше) [Там же]. Ставя своей целью «исследование первобытных народов», он обосновывал это необходимостью их описания до начала — там, где это возможно, — контактов с цивилизацией «белой расы» или с «уже определенной цивилизацией» других «рас» (индусской, китайской, арабской и т.п.), ибо «расы эти, как известно, при столкновении с европейскою цивилизациею с каждым годом исчезают» [Там же: 6].

Смысл его «этнологических» исследований заключался в *преходящем* характере первобытного образа жизни — образа жизни людей, которые «находятся *еще* в каменном веке» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 346]. Выше уже цитировались суждения Миклухо-Маклая, датированные 1877 г., о том, что «*эти* фазы жизни *этой* части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро преходящи» (курсив Миклухо-Маклая. — П.Б.) [Миклухо-Маклай V: 552]. «Я, — говорил Миклухо-Маклай во время Чтений в 1882 г., — застал их на самой низкой *ступени развития*: металлов они совершенно не знали, и все их орудия были сделаны из камня, костей и дерева. Они не умели даже добывать огня.

...эта *степень развития* туземцев Берега Маклая — *переходная* и должна бы измениться уже вследствие одного моего пребывания между ними... В непродолжительном, быть может, времени вследствие развития торговли в Тихом океане жители Берега Маклая войдут в сношения с другими народами, и тогда их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который представляют дикари в их первобытном состоянии» [Миклухо-Маклай II: 412].

Сравним этот ряд высказываний Миклухо-Маклая с текстами Эдуарда Тэйлора: «Даже при сравнении диких племен с образованными народами для нас само собой становится ясно, как шаг за шагом жизнь диких рас переходит в подобные же процессы у высших рас, являясь в легко распознаваемых, а иногда почти вовсе неизменных формах» [Тэйлор 1872: 6]. Или: «...но мы должны разрешить здесь вопрос, который мог бы усложнить развитие нашей мысли, а именно вопрос о расах. Для нашей настоящей цели является и возможным, и желательным устранить соображения о наследственных изменениях человеческих рас и считать человечество однородным по природе, хотя и находящимся на различных *степенях цивилизации*. Я надеюсь, частности нашего исследования покажут, что *фазисы культуры* могут быть сравниваемы, не принимая в расчет, насколько племена, пользующиеся теми же орудиями, следующие тем же обычаям, или верующие в те же мифы, различаются между собой физическим строением и цветом своей кожи и волос» (курсив мой. — П.Б.) [Там же: 7]. Терминологические совпадения очевидны. «Степени цивилизации» и «степени развития», «фазисы культуры» и «фазы жизни» и т.д. Скорее всего Миклухо-Маклаю книга Тэйлора «Первобытная культура» была известна уже в 1877 г. и, наверное, в 1882 г.

Есть еще одна косвенная улика — нечеткое противопоставление этнографии и этнологии (ср. использование определений «этнографический» и «этнологический»). Пожалуй, только в данной работе Тэйлора эти понятия встречаются с той же частотой и в том же окружении, что и в текстах (включая письма) Миклухо-Маклая (см.: [Тэйлор 1872: 1–22]). Впрочем, еще раньше при определении понятия этнологии Миклухо-Маклай мог в такой же мере использовать немецкую модель, извлеченную из контекста работ Бастиана, который рассматривал этнологию в значении, близком такому понятию отечественной этнографии, как «этногенез и этническая история». Последний пользовался выражениями «этнологическая

связь» или «этнологическое родство», имея в виду происхождение тех или иных народов [Bastian 1872: 82, 83].

Взгляды Тэйлора и Миклухо-Маклая при определении значения этнографических фактов совпадают не только «по букве» (терминологически), но и «по духу». В частности, в том, как Миклухо-Маклай при интерпретации этнографических наблюдений «разрешает» вопрос о расах. Идея эволюционного подхода при чтении отношения «первобытность — цивилизация», в тэйлоровском понимании, владела Миклухо-Маклаем еще на стадии подготовки к первой экспедиции, т.е. до выхода в свет книги Тэйлора, и в последующие годы развивалась, приобретая все более четкие очертания. Если Тэйлор доказывал наличие эволюционной (каузальной) связи между первобытностью и цивилизацией теоретически, с помощью понятия «переживаний», то Миклухо-Маклай шел как бы навстречу, показывая экспериментальным образом, с какой легкостью «дикари» усваивают достижения европейской цивилизации.

По мнению Д.Д. Тумаркина, Миклухо-Маклай не был знаком с теорией первобытной культуры Эдуарда Тэйлора [Тумаркин 2011: 224]. Но тогда проще предположить, что Миклухо-Маклай пришел примерно к той же идее эволюции культуры независимо от Тэйлора и в тот момент, когда его основной труд «Первобытная культура» только вышел из печати, — в 1871 г. на борту корвета «Витязь», во время плавания к Новой Гвинее. Понятие «пережитков» присутствует в текстах Миклухо-Маклая «инкогнито», в контексте описания антропологических и лингвистических фактов (элементы, характеризующие современное состояние как следы прошлых состояний). В текстах Миклухо-Маклая при интерпретации этнографических фактов понятие «пережитков» просто не могло присутствовать, исходя из определения самого Тэйлора. Ведь Миклухо-Маклай имел перед собой в качестве объекта наблюдения ту фазу развития культуры, на которой обсуждаемые явления еще не были «пережитками». Согласно Тэйлору, «это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые силою привычки были перенесены в новое состояние общества, отличное от того, которому они были свойственны, и остаются таким образом в виде доказательств или примеров прежнего состояния культуры, из которого развилось новейшее» [Тэйлор 1872: 15].

Здесь следует лишний раз подчеркнуть, что идея эволюции не была чуждой этнографии и в додарвиновские времена, в первую

очередь постольку, поскольку она по своей внешней форме, или схеме, не противоречит креационистской концепции, о чем в свое время писал сам Тэйлор. Например, Дж.Р. Логан, ныне забытый автор одной из наиболее развернутых концепций этнологии/этнографии дотэйлоровского периода, в некоторых аспектах предвосхищавший Тэйлора²², писал: «Этнология (как наука, основанная на «наблюдении творений Бога». — П.Б.) никогда не противопоставит себя теологии, но [если таковое произойдет] только в том, что касается ошибочных взглядов теологии» [Logan 1850: 263]. Или: «Этнолог претендует только на право независимого развития своей науки, без чего ее результаты потеряют всякую ценность для теолога» [Ibid.].

С учетом сказанного, Миклухо-Маклай был готов к восприятию этнографической реальности сквозь призму эволюционной идеи еще до своей первой поездки на Новую Гвинею. В записке «Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований» он прямо писал, что его целью является исследование «первобытных народов» [Миклухо-Маклай III: 6]. Многие из книг, проштудированных им в 1869–1870 гг. (см. тетрадь “Ethnologia”), проникнуты эволюционными построениями, и многие из ранних его высказываний перекликаются с содержанием этих книг. На этом этапе было достаточно внимательно прочитать книгу Бэра «Человек в естественно-историческом отношении» (1851), так как при постановке задачи конкретного полевого этнографического исследования совершенно безразлично, кем является ученый, креационистом или антикреационистом («дарвинистом»). Понятие «этнографическое положение» Миклухо-Маклая и понятия «степени цивилизации» или «фазы культуры» Тэйлора изоморфны понятию «степень образованности» Бэра [Бэр 1851: 82].

Наконец, даже допуская, что Миклухо-Маклай вовсе не держал в руках книгу Тэйлора также и впоследствии (что кажется маловероятным), он мог почерпнуть многие важные его положения из “Notes and Queries on anthropology, for the use of travelers and residents in uncivilized lands” (1874), содержавших пространные высказыва-

²² Ср., например, понятие «стадии развития» человеческих «племен» или идею, согласно которой «вход в... древний мир (“pre-historic time”. — П.Б.) возможен только через настоящее» (т.е. через «пережитки» прошлого, сохранившиеся в настоящем. — П.Б.) [Logan 1850: 266, 276].

ния многих ученых, в том числе — и даже чаще всего — Тэйлора. В своих путешествиях Миклухо-Маклай постоянно пользовался этой книгой как своего рода требником полевого исследователя. Однако издана она была только в 1874 г. В любом случае Миклухо-Маклай в ходе своих полевых исследований экспериментально доказал то, что в книге Тэйлора представляло собой хорошо обоснованную, но все-таки гипотезу. Его непосредственные наблюдения над переходом папуасов к цивилизации («искажением», «изменением» нравов и обычаев *теперешних* папуасов) под влиянием контактов с европейцами превращали гипотетические построения Тэйлора (не важно, с его ведома или нет) в эмпирически обоснованную теорию. Миклухо-Маклай так писал о влиянии меновой торговли: «Какой дикарь, — восклицал он, — если он за несколько корзиночек копры (сушеные кокосовые орехи) может купить порядочный стальной нож или, прибавив еще несколько корзиночек, добыть хороший американский стальной топор — станет возиться с откалыванием осколков кремня или раковины, отщепливать с большим искусством ножи из бамбука или оттачивать из твердых зеленокаменных пород или кварца топоры, наконечники булав и т.п.» [Миклухо-Маклай V: 553].

Существенное свидетельство в пользу того, что Миклухо-Маклай не только был знаком с идеями Тэйлора, но и выступал сторонником этих идей, мы находим в “Notes and Queries” в виде пометок на полях и подчеркиваний. Большинство таких выделений карандашом относится именно к тем разделам, авторство которых принадлежит Тэйлору. О том, что это автографы Миклухо-Маклая, можно говорить вполне уверенно, ибо точно в такой же манере выделены некоторые места в тетради “Ethnologia”, которая так же, как и книжка “Notes and Queries”, сопровождала Миклухо-Маклая во времена первых путешествий (рис. 5). В разделе “No. XXX. Religion, Fetishes &” Миклухо-Маклай выделил следующий абзац: «Информацию следует получать из возможно большего числа источников, так чтобы особенности индивидуального знания не были ошибочно приняты за общую доктрину данной нации. Сообщения миссионеров представляют величайшую ценность, однако непредвзятый наблюдатель должен проявлять осторожность, дабы не отвлекаться на их описания небесных божеств в качестве “демонов” и их склонность в других вопросах рассматривать местные религии, по существу, как продукт жульничества или злого умысла, а не как показа-

Die Negritos sind zweifellos v. d. Ma- 3
 ccau ganz verschied. Race, aber
 in einige d. ihnen einen Theil
 des Festlandes und andere die
 Andaman Ins. in d. von v. von
 Galen bewohnen, so müssen
 die doch aller Wahrscheinlichkeit
 nach eher einen Adiatrophen
 als polynesischen Ursprung
 gehabt haben. [I. p 419.]

4. 10 Die Weissen und Schwarze,
 die Papua's, die Eingeborenen von Schi-
 lolo und Ceram, die Fidji- Insel.
 die Einwohner des Neuholländ. Arch.
 und die von N. Seeland. Alles
 Varirende Formen einer grossen
 Pacifischen oder polynesischen
 Race sind. — Es ist möglich,
 vielleicht wahrscheinlich das die
 braunen Polynesier ursprünglich
 ein Product des Mischens v.
 Malajen oder einiger heller gefärbter
 mongolischen Rassen mit der am
 kleinsten Papua's sind, in aber
 durch Anpassung eine ähnliche
 Race geworden ohne jedoch
 einer Mischlingsrace eine Race
 mit entschiedenem Ueberwicht der
 Papuanischen Charakter, was die
 Art betreu als eine Modifikation
 des Papua-Typus classificirt
 werden kann.

4. 11 Das Vorkommen eines unterschiedlichen
 Elementes in d. malaj. Sprachen hat
 augenscheinlich nichts mit der
 einer alten physischen Verbindung zu
 thun — in d. malaj. etc. nur die ethn.

Рис. 5. Страница в тетради “Ethnologia” с пометкой Миклухо-Маклая

тельные стадии теологического и нравственного развития в процессе цивилизации» [Notes 1874: 50].

Еще более интересно выделение места из раздела “*No. XXXIII. Mythology*”: «Собирание мифических историй среди низших рас может проводиться при удобном случае, имея в виду несколько сторон, представляющих особый интерес. Желательно записывать их дословно из уст опытного рассказчика, так как они являют собой образцы языка в его наилучшем виде, представляя местные метафоры, изречения и яркие выражения. Они должны копироваться с помощью точного перевода между строк или на полях» (подчеркнуто Миклухо-Маклаем. — *П.Б.*) [Ibid.: 62]. На этом фоне довольно частые высказывания Миклухо-Маклая по поводу широких построений в области религии или мифологии, которые обычно воспринимаются как признак его «эмпиризма», выглядят как проявление элементарной научной добросовестности.

Единство человеческой культуры («психики») — основополагающий принцип эволюционизма в этнографии — не вызывало у Миклухо-Маклая никаких сомнений. Он доказывал, что мнение о более низком моральном и ментальном уровне, «дурном» или «жестоким» характере носителей первобытной культуры есть плод невежественности миссионеров и путешественников и легко опровергается практикой длительного общения [Миклухо-Маклай III: 337]. Опровержение рассматриваемого заблуждения созвучно взглядам Тэйлора, высказанным в том числе и в соответствующем разделе “*Notes and Queries*”: «Несовершенством наших представлений о моральных устоях среди диких и варварских народов мы в большой мере обязаны путешественникам, полагающим, что та особая система моральных запретов, в условиях которой они были сами воспитаны, является абсолютной... каждое племя имеет свою собственную систему нравственных правил, основанную на собственных принципах добра и зла» [Notes 1874: 47].

Только ранняя смерть не позволила Миклухо-Маклаю закончить (или фактически опубликовать?) феноменальный по тем временам этнографический труд, который должен был следовать за изданием двухтомного описания путешествий. Об этом прямо упоминает сам Миклухо-Маклай. В декабре 1886 г. в письме, адресованном Л.И. Шренку, он оговаривает право свободного доступа к предметам своей коллекции на том основании, что они будут ему совершенно необходимы, а именно «для снятия фотографий для

иллюстрирования труда по этнологии меланезийцев» [Миклухо-Маклай V: 478]²³.

В небольшой публикации в «Известиях РГО» в 1874 г. (подписано 13 декабря 1873 г.) Миклухо-Маклай сообщал о намерении «подробного описания жителей Берега Маклая и их обычаев» [Миклухо-Маклай III: 109]. Вероятно, здесь он подразумевал создание более пространного текста, чем то сочинение, что было опубликовано в 1873 г. под названием «Этнологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее»²⁴ и представляло собой именно «описание жителей Берега Маклая и их обычаев». В частности, тогда, в 1873 г., он писал: «Их (телумов. — П.Б.) точные изображения я имею в виду опубликовать в своем главном иллюстрированном труде о Береге Маклая» [Там же: 72]. Согласно Д.Д. Тумаркину, «такой труд Миклухо-Маклаю написать не удалось» [Там же]. Верно ли это, если речь идет о существовании рукописи? И как эта рукопись может выглядеть?

В 1882 г. на Чтениях в Географическом обществе, говоря о результатах своих 11-летних путешествий, Миклухо-Маклай, как свидетельствует очевидец, показал слушателям два «толстых тома», или «записные книги», в которых, по его словам, «собран громадный этнологический материал о папуасах берега Маклая» [Миклухо-Маклай II: 411]. В примечании Б.Н. Путилова говорится: «Сохранилось лишь две записные книжки небольшого формата

²³ Статья Л.А. Ивановой «Источниковедческие проблемы изучения этнографического собрания Н.Н. Миклухо-Маклая в свете его рисунков» (1997) — одна из немногих работ, посвященных изучению этнографического наследия Миклухо-Маклая, — заканчивается такими словами: «Окидывая мысленным взглядом коллекции, рисунки и тексты Н.Н. Миклухо-Маклая, начинаешь понимать, сколь продуманно, тщательно и целенаправленно возводил он в изнуряющих условиях тропиков обширный источниковедческий фундамент своей будущей кабинетной работы. И однажды прозреваешь весь грандиозный замысел ученого — создать иллюстрированную энциклопедию меланезийской культуры определенного периода» [Иванова 1997: 30]. Полностью соглашаясь с мнением автора, хотелось бы все же отметить, что данная мысль прозвучала бы еще более убедительно, если бы в статье были приведены собственные слова Миклухо-Маклая из известного письма Шренку.

²⁴ Написаны в 1872 г. во время первого пребывания Миклухо-Маклая на Новой Гвинее.

(помимо нескольких карманных записных книжек) от второго пребывания на Берегу Маклая. По-видимому, “толстые томики”, которые показывал Миклухо-Маклай, пропали либо относились к первому пребыванию на этом Берегу» [Там же: 518]. Поскольку речь идет о «громадном материале», Миклухо-Маклай в тот момент держал в руках явно не «две записные книжки небольшого формата» только из второго путешествия на Новую Гвинею. В своем выступлении 1882 г. Миклухо-Маклай подводил итог всем предыдущим годам исследований.

Описывая свое второе посещение Берега Маклая (1876–1878) Миклухо-Маклай пишет следующее: «Я вернулся снова на Берег Маклая затем, чтобы, зная хорошо язык туземцев и пользуясь их полным доверием, дополнить мои наблюдения и окончательно выяснить некоторые не вполне разрешенные мною при первом посещении вопросы. Мои ожидания вполне оправдались. Полное знание языка туземцев, а главным образом их доверие ко мне весьма облегчили мои исследования. Я не в состоянии показать вам здесь всех рисунков, портретов, изображений хижин и других предметов и вообще обстановки жизни туземцев Новой Гвинеи, но в этих двух (*показывает толстые томики*) записных книгах собран громадный этнологический матерьял о папуасах Берега Маклая» [Там же: 410–411].

Как выглядит (а не *выглядел бы*) этот «ненаписанный» труд, можно составить ясное представление из антропологических и этнологических заметок о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее, из научных статей по отдельным вопросам, а также из конспектов лекций 1886 г., если их дополнить газетными отчетами, сделанными «весьма близко по тексту к лекциям», как отмечено в комментариях к шеститомному собранию сочинений Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай III: 399].

Впрочем, в настоящее время шансы найти два «толстых томика» остаются все еще довольно высокими, поскольку собственно архивная работа при подготовке шеститомного собрания сочинений Миклухо-Маклая проводилась довольно поверхностно. Вопрос состоит в том, *что* и *как* искать. Одно можно сказать сразу: предположение об утрате этих записных книг, в сущности, ни на чем не основано. (В подобных случаях искать «пропажу» всегда следует в самом невероятном месте, а с учетом почти доскональной изученности таким местом является маклаевский фонд архива РГО.

Как будет показано ниже, указанный адрес оказался абсолютно точным.)

Начнем с того, что два «толстых томака» были показаны публике в 1882 г. Говоря о «громдном этнологическом матерьяле», заключенном в них, Миклухо-Маклай не мог иметь в виду материалы, относящиеся к первому путешествию на Новую Гвинею и в целом к первой половине 1870-х годов, поскольку они были в основном почти сразу опубликованы («Этнографические заметки» и др. статьи). Следовательно, записи касались второй половины 1870-х годов. К этому времени относятся второе посещение Берега Маклая, путешествие по островам Меланезии и экспедиция на южный берег Новой Гвинеи, где было сделано множество зарисовок. Присовокупим к этому смену формулировок. Если в 1873–1874 гг. Миклухо-Маклай писал о «главном иллюстрированном труде о Береге Маклая» или «подробном описании жителей Берега Маклая и их обычаев», то в 1886 г. в письме Шренку ставится более широкая задача — в нем говорится об иллюстрировании «труда по этнологии меланезийцев». Таким образом, гипотеза о том, что «толстые томаки» относились к первому пребыванию на Берегу Маклая, не может быть верной. Говорить можно только о втором пребывании на Берегу Маклая и/или путешествии по островам Меланезии и южному побережью Новой Гвинеи.

Есть еще один момент, на котором следует особо остановиться. По умолчанию в качестве содержания «толстых томиков» предполагаются подробные записи (тексты), касающиеся этнографических реалий, но Миклухо-Маклай говорил о «рисунках, портретах, изображениях хижин и других предметах и вообще обстановке жизни туземцев Новой Гвинеи». Для Миклухо-Маклая при описании исследуемой культуры в полевых условиях более характерно было опираться на серии рисунков с теми или иными надписями или заметками в расчете на восстановление собранных сведений по памяти уже в рамках чисто кабинетной работы. По его мнению, проще и быстрее нарисовать, чем описать словами [Там же: 72]. В том, что он слишком полагался на видеоряд (рисунки, фотографии, коллекции), вероятно, и состояло «несовершенство его методики», о котором пишет Д.Д. Тумаркин и которое Миклухо-Маклай вполне осознал, говоря: «Разобраться в этих записках только я могу...» [Миклухо-Маклай V: 541]. Таким образом, для Миклухо-Маклая рисунки были чем-то вроде графических «конспектов», подлежа-

щих последующей расшифровке. Это означает, что искать следует записные книги, в которых рисунки преобладают над текстом.

В Маклаевском фонде архива РГО сочетанию указанных признаков в наибольшей степени отвечают только две («толстые») записные книги [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24; Д. 70]. Первая (ед. хр. № 70) в сафьяновом переплете черного цвета (альбомный формат), на обложке золотом по диагонали вытиснено имя **Maclay**. Вторая (ед. хр. № 24) в сафьяновом футляре (в виде папки или портфеля) коричневого цвета с металлической застежкой; на верхнем крышки вытиснены инициалы **N.M.M.**

На титульном листе первой расположены три надписи: «1879», «Album N=21», «Melanesia». На узком клапане, прикрепленном к корешку записной книги, вложенной в коричневый футляр, имеются две надписи: «№ 2 (1871)» и ниже — «№ 5 1878», поскольку первые записи в ней были сделаны еще на борту «Витязя» в 1871 г., а затем, с перерывом в несколько лет, записи возобновились. Несмотря на надпись «1878», большинство материалов относится к 1879 г., а отчасти — к 1880–1881 гг. с перечислением островов Меланезии: Новая Каледония, Лифу, Тана, Эфате, Амбрим, Ниниго, Андра и др. Есть рисунки, например зарисовки образцов татуировки (следует отметить, сделанные синим карандашом в том же стиле, что и рисунки Миклухо-Маклая в “Notes and Queries”²⁵), которые относятся к посещению южного побережья Новой Гвинеи (деревня Карепуна) в 1881 г. (согласно пометке Миклухо-Маклая в записной книжке № 5, название «Карепуна» идет под 1881 г.) [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 152–156 об.].

Как явствует уже из оглавлений соответствующих архивных дел, в обеих записных книгах содержатся рисунки, тексты и «отрывочные заметки». Таким образом, перед нами именно те «толстые томики», которые Миклухо-Маклай держал в руках во время лекции в 1882 г. К ним и можно отнести фразу в комментариях Б.Н. Путилова (см. выше): «Сохранились две записные книжки небольшого формата (помимо нескольких карманных записных книжек) от второго пребывания на Берегу Маклая».

Некоторое формальное расхождение можно усмотреть между географией двух записных книг, хранящихся в архиве РГО, и утверждением Миклухо-Маклая о том, что в двух «толстых томиках» со-

²⁵ См. следующий раздел настоящего издания.

держатся рисунки, касающиеся традиционного образа жизни населения (только) Новой Гвинеи. Однако точное перечисление материалов, на которые он ссылался, в момент устного выступления не имело никакого значения, а Новая Гвинея для него всегда была исходным пунктом любых сравнительных исследований. Также очевидно то, что он не мог иметь в виду написание своего труда только по материалам двух записных книг. В том же 1882 г. в беседе с журналистом возникла тема «бесчисленных записных книжек», по словам Миклухо-Маклая, представлявших для него что-то вроде «оглавления», или «программы», того, что он собирался издать [Миклухо-Маклай V: 541]. Вероятно, именно в это время он пронумеровал свои записные книги, причем, по всей видимости, нумерация записей (вместе с нумерацией этнографических коллекций) соответствует тому *порядку* подачи материалов, который он именовал «оглавлением», или «программой», будущей книги.

При решении проблемы идентификации до сих пор считавшихся пропавшими записных книг Миклухо-Маклая с материалами, которые он собирался положить в основу своего иллюстрированного «труда по этнологии меланезийцев», становится возможным решить более частные, но по-своему важные задачи, касающиеся научной биографии Миклухо-Маклая. Мнение Н.А. Бутинова, поддержанное Д.Д. Тумаркиным, сводится к тому, что создание новой фамилии — «Маклай» — произошло после 1868 г., а в 1868 г. Миклухо-Маклай — это еще «просто студент Миклуха» [Бутинов 2001: 5; Тумаркин 2011: 74–80].

Изучение записной книги с инициалами **Н.М.М.** позволяет сказать совершенно точно, когда Николай Миклуха стал Маклаем. На внутреннем кармане этой записной книги наклеен откуда-то аккуратно вырезанный прямоугольный кусок бумаги с надписью: «*N. Von Maclay Stud. philos. Heidelberg. 1864*». Следовательно, Миклухо-Маклай взял себе шотландское имя еще при первом появлении в Гейдельбергском университете в 1864 г., при этом не очень заботясь об упоминании имени «Миклуха». Именем «*N. von Maclay*» он пользовался и в своих ранних публикациях за рубежом. Самая первая публикация Миклухо-Маклая по этнографии, статья «*Ueber die 'Rohau rogo rogo' oder die Holztafeln von Papa-Nui*», подписана этим именем — *N. von Maclay*.

Записная книга **Н.М.М.**, точнее раздел «№ 2 (1871)», отвечает на вопрос об *errata* в названии (вместо «*Kohau*» напечатано «*Rohau*»)

и в тексте статьи (вместо «Mataringa» — «Matariuga»). В крошечной заметке «Ос. Рапа Нуи» мы находим билингу «Kohau rogo rogo = Кохау ронго-ронго» [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 об.]. Латинская буква *K* написана так, что верхняя косая черта загибается влево, почти соприкасаясь с вертикальной чертой. В результате буква *K* может читаться как *R*. Нетрудно догадаться, что в рукописи, посланной Бастиану, в слове «Mataringa» строчная буква *n* была выведена как заглавная *N*, но не угловатым, а округлым стилем, делающим ее похожей на *u*²⁶.

Занимаясь сопоставлением заметок Миклухо-Маклая с его законченными работами, постепенно начинаешь понимать, каким образом первые превращались во вторые. Для него рисунки, коллекции и пояснения к ним были способом краткой записи и основным методом фиксации полевых наблюдений, расшифровка которых рассматривалась уже как часть кабинетной работы. В сущности, именно об этом он говорил, когда охарактеризовал свои рисунки и коллекции как «программу», или «оглавление», планируемого им большого труда по этнологии меланезийцев.

К сожалению, делая вывод по аналогии относительно *возможности* создания Миклухо-Маклаем капитального труда по культуре народов Меланезии, мы невольно признаем, что он только говорил об этом, но дальше разговоров дело так и не пошло. В немалой степени виной тому служат утверждения самого Миклухо-Маклая о разрозненности его материалов или о том, что только он может разобраться в своих записях. Однако в рассуждениях Миклухо-Маклая не упоминается один очень важный факт, который до сих пор как-то ускользал от внимания исследователей.

Речь идет о довольно солидном томе, на черной коленкоровой обложке которого тисненая золотом надпись: **MIKLUHO-MACLAY. N.-GUINEA. 1871–1877.** В качестве глав этой книги²⁷ (подшивки) выступают страницы печатных работ Миклухо-Маклая из ино-

²⁶ В записной книге «№ 3 Polynesia» (июнь–август 1871 г.) интересующие нас термины рапануйского языка представлены в следующем виде: “Kohau rogo rogo” и “Matakirangi” [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 72. Л. 4, 22].

²⁷ Составителям шеститомного собрания эта книга известна как хранящийся в архиве РГО «том, в который вплетены работы Миклухо-Маклая на западноевропейских языках, касающиеся Новой Гвинеи» [Миклухо-Маклай III: 353].

странных изданий. Возможно, некоторые тексты, вошедшие в эту книгу, были специально отпечатаны типографским способом. Статьи сброшюрованы в порядке их опубликования [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 92]:

Mijn Verblijf aan de Oostkust van Nieuw Guinea in de Jaren 1871 en 1872.

Anthropologische Bemerkungen ueber die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea.

Notice météorologique concernant la Côt-Maclay en Nouvelle-Guinée.

Ethnologische Bemerkungen ueber die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea.

Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea (1874).

Historisches.

Bewohner von Papua-Kowiay.

Bemerkungen zur Kartenskizze.

Как известно, Миклухо-Маклай заказывал в типографии отдельные издания своих сочинений. В частности, в 1886 г. так появилась на свет брошюра (на обложке тисненая надпись: **1870—1872. Миклухо-Маклай**) с текстом его выступлений в Императорском Русском географическом обществе в 1882 г., которая была преподнесена в дар великому князю Константину Николаевичу [Массов 2013: 111—112]. Отметим, что в отличие от данной брошюры и записных книг Миклухо-Маклая (см. выше) обложка тома, являющегося собранием его научных статей по Новой Гвинее, оформлена как обложка настоящей книги: вверху имя автора и ниже название.

Иначе говоря, перед нами действительно не что иное, как макет книги. Другая особенность рассматриваемого издания в одном экземпляре заключается в том, что между всеми страницами вшиты чистые листы, многие из которых заполнены рукописными текстами, рисунками и фотографиями. Следовательно, Миклухо-Маклай серьезно занимался подготовкой к печати целой книги путем переработки своих статей по Новой Гвинее, опубликованных в указанный период времени. Тексты “Historisches” и “Bemerkungen zur Kartenskizze”, отпечатанные типографским способом, кажется, вообще имеют смысл лишь как части книги.

Содержание этой книги соответствует ранее сделанному предположению, что если мы хотим представить себе, как выгля-

дела бы «ненаписанная» книга Миклухо-Маклая, мы должны судить по антропологическим и этнологическим заметкам. Именно две эти работы составляют основу рассматриваемого тома. Вывод о том, что том под названием «N.-Guinea. 1871–1877» имеет значение отдельной книги, подтверждает существование другой такой же книги, посвященной путешествиям Миклухо-Маклая по Малайскому полуострову. На переплете нет никакого тиснения с названием или маргиналиями Миклухо-Маклая, но на титульный лист наклеена аккуратно вырезанная бумажная обложка “Ethnologische Excursion in Johore (December 1874 — Februar 1875) (Vorläufige Mittheilung). Von Miklucho-Maclay. Batavia. Ernst & Co. 1875”. Так же как и первая, эта книга представляет собой подшивку статей, опубликованных в иностранных изданиях, между всеми страницами были вшиты чистые листы, которые затем — в процессе работы над текстом книги — заполнялись записями и рисунками [АРГО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99]. Примечательно, что Миклухо-Маклай объединил статьи, опубликованные именно в иностранных журналах. Вероятно, только такого рода публикациям он сам придавал значение научных трудов.

Создание тома «**MIKLUHO-MACLAY. N.-GUINEA. 1871–1877**» в качестве этапа написания большой книги в контексте настоящего исследования эквивалентно положительному ответу на вопрос, существует научное наследие Миклухо-Маклая или нет, когда мы говорим об этнографии (и только об этнографии). Как выясняется, единство научной цели («главная задача») реализовывалось вполне материальным образом — в виде *неоконченной* книги, части которой были объединены идеей этнологического исследования папуасов Новой Гвинеи. При этом из содержания двух книг Миклухо-Маклая, вместе взятых (кстати, обе являются книгами по этнографии!), становится также ясно, что последовательность его экспедиций и публикация их результатов носит характер неслучайной связи событий: одно вытекает из другого. Следовательно, возникшая в 1870-е годы идея «главного иллюстрированного труда о Береге Маклая» в 1880-е годы переросла в проект создания иллюстрированного «труда по этнологии меланезийцев».

В частности, с точки зрения датировки брошюры «N.-Guinea. 1871–1877», наличие взаимосвязи между работами разных лет позволяет говорить о том, что идентификация двух «толстых томиков»

с записными книгами № 2 / № 5 и № 21, включающими данные 1879–1881 гг., оказывается в принципе верной.

Выше уже говорилось о противоречии, связанном с тем, что, по словам Миклухо-Маклая, содержанием «толстых томиков» являются материалы по Новой Гвинее или — уже — по Берегу Маклая, причем прежде, чем показывать аудитории «толстые томики», исследователь говорил о втором посещении Берега Маклая (1876–1877). Однако тот факт, что показ «толстых томиков» идет «после» рассказа о втором пребывании на Берегу Маклая, не означает, особенно в устной речи, «поэтому». Кроме того, следует обратить внимание на некоторое несоответствие датировок. Во-первых, записная книга № 5 датируется Миклухо-Маклаем двумя разными годами (в надписи, служащей заглавием записной книги, стоит 1878 г., а в ее оглавлении — 1879 г.). Во-вторых, неизвестно точное время издания брошюры «N.-Guinea. 1871–1877». На обложке поставлены 1871–1877 гг., тогда как собранные в ней статьи были опубликованы в 1871–1875 гг.

Вероятно, здесь рано ставить точку в исследовании данного вопроса, поскольку требуется более подробный и более сложный анализ как упомянутых, так и многих других источников. Однако уже на этом этапе можно говорить вполне уверенно: наложение датировок «толстых томиков» и брошюры «N.-Guinea. 1871–1877» свидетельствует о том, что между ними не существует какого-либо «пропавшего» документа. К этому можно добавить необходимость следовать такому разбиению «основных дат жизни и деятельности» Миклухо-Маклая на группы, которые соответствуют экспедиционным циклам с учетом промежуточных поездок или остановок в крупных городских центрах и которые должны совпадать с распределением по годам («номерам») полевых записей и публикаций. Интересующий нас период можно разделить на группы примерно следующим образом: 1) 1871–1872, 1873–1874, 1874–1875; 2) 1876–1877; 3) 1879–1880, 1880–1881. При таком подходе в глаза бросается тот факт, что сам Миклухо-Маклай, как видно из заглавия вышеуказанной брошюры, выделил период 1871–1877, объединяющий группы 1 и 2, но не включающий группу 3. Поскольку данная брошюра содержит публикации только по Новой Гвинее и только до 1875 г., можно предположить, что в ней есть и материалы, относящиеся ко второму пребыванию Миклухо-Маклая на Берегу Маклая в 1876–1877 гг., но

в виде записей на вставных листах²⁸. Если наша гипотеза верна, по годам все сходится²⁹.

* * *

В завершение нашего обзора результатов полевых этнографических исследований Миклухо-Маклая вернемся к вопросу об отсутствии у него склонности или, если угодно, вкуса к теоретическим построениям. После него не осталось крупных теоретических сочинений, но его научная практика и выступления перед широкой публикой насыщены скрытыми теоретическими положениями. По складу ума Миклухо-Маклай был критически мыслящим человеком. Свое выступление по «Программе исследований» 7 октября 1870 г. он завершил следующими словами: «В заключение я должен оговорить, что вышеизложенная программа *не рассматривается мною критически*. Собирая эти научные desiderata, я хотел только выслушать все то, что могут от меня требовать специалисты по разным научным отраслям. Насколько и каким образом могут быть исполнены эти задачи — окажется на месте» (курсив мой. — П.Б.) [Миклухо-Маклай III: 307–308]. Это свидетельствует о том, что Миклухо-Маклай с самого начала стремился создать определенную парадигму, некую единую систему постановки и решения научных задач. Вообще, как «человека науки», его проще понять по манере научного поведения, объединявшей абстрагирование и эксперимент, что выгодно отличало его от «путешественников» и «кабинетных ученых». Не следует забывать, что он начинал свое образование в Гейдельберге как студент-философ, а затем перешел к изучению медицины и зоологии.

Для этнографа систематическое знакомство с научной деятельностью Миклухо-Маклая полезно с точки зрения пересмотра общепринятых взглядов на историю этнографии. Период, в который он жил и работал, не был эпохой становления эволюционизма

²⁸ По мнению составителей шеститомного собрания, рукописные записи появились *во время* второго пребывания ученого на Берегу Маклая [Миклухо-Маклай III: 353]. Однако логичнее считать, что эти записи были сделаны после возвращения, т.е. не ранее появления самой брошюры.

²⁹ Вариант, согласно которому данная брошюра является одним из двух «толстых томиков», рассматривается нами как наименее вероятный, исходя из того, что ее основное содержание составляют *не* материалы.

в этнографии (под влиянием идей Чарльза Дарвина). В это время завершался процесс формирования предметной области этнографии. Следует помнить, что Дарвин не изобретал эволюционизма. Дарвином была предложена — в пределах уже существовавших представлений об эволюции — гипотеза естественного отбора, объясняющая, *как* происходит эволюция в животном мире. С этой точки зрения теория «пережитков» Тэйлора является обратной функцией теории естественного отбора Дарвина применительно к человеческой культуре, ибо и то, и другое предполагает возможность не обращаться к теологии при объяснении явлений окружающего мира, а без этого идея эволюции в той или иной форме пронизывала этнографию/этнологию по крайней мере с конца XVIII в. Эволюционный подход в известной степени даже тривиален. Это первое, что приходит в голову при научном (экспериментальном, индуктивном) взгляде на окружающий мир. Дарвинизм во второй половине XIX в. лишь стимулировал работу по взаимному определению (отделению) предметов физической антропологии и этнографии (в рамках богословской концепции такая проблема не возникает). В этой связи, вероятно, следует помнить, что книга Тэйлора «Первобытная культура» начинается с определения предмета этнографии — «науки о культуре».

В сущности, тогда все споры сводились к одному вопросу: входят ли предметные области исследования антропологии и этнографии в отношении подчинения или исключения? Англосаксонские версии этнографии пошли по первому пути, российская и немецкая — по второму. Труды Миклухо-Маклая занимают особое место в разработке именно второй, как кажется, более рациональной версии. Вероятно, чем больше Миклухо-Маклай вникал в вопросы конкретизации предметной области физической антропологии за счет зоологии и прежде всего сравнительной анатомии, тем больше он отдалялся от нее в сторону этнографии. В его работах противопоставление полевой этнографии, которую он фактически определял как метод создания этнографических источников, и этнологии, за которой он по умолчанию оставлял изучение «истории народов» или сходства/различия «племен», выступало дополнительным аргументом в пользу выделения этнографии из антропологии. Можно соглашаться или не соглашаться с противопоставлением этнографии и этнологии, но до исследований Миклухо-Маклая понятие полевой этнографии (в терминах профессионального подхода к это-

му виду деятельности) как таковое вообще не существовало. Параллельно он противопоставлял этнографию географии, что было весьма своевременно для российской науки того времени. Таким образом, он на практике создал полевую этнографию как особый институт науки. Изменения в организации полевых исследований немедленно отражались на структуре его этнографических отчетов и научных статей.

Подобные рассуждения относительно особой роли Миклухо-Маклая абсолютно уместны, ибо контекст оказывается всегда шире текста. Во многом именно благодаря его усилиям, даже самому его присутствию, российская этнография не оказалась в стороне от мировой науки, сосредоточившись, подобно некоторым другим национальным наукам, на «домашней» проблематике (*local topics*), какой бы широкой по своему масштабу она ни была для Российской империи с ее огромной территорией. Главное — он принадлежал той группе представителей мировой науки своего времени, которые, по крайней мере потенциально, способствовали тому, чтобы этнографическая наука как таковая перешла на более высокий уровень («новый тип») интуиции, если под научной интуицией подразумевать упорядоченный набор способов наблюдения и интерпретации фактов.